

УДК 811.161.1'373

**«АТЛЕТЫ ВЕРЫ, АТЛЕТЫ СЦЕНЫ...»:
ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРИВАЦИОННОГО ГНЕЗДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Д. В. Руднев^{1,2}, А. В. Зеленин³

¹ Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

³ Независимый исследователь
Поступила в редакцию 13.09.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-9

Рассмотрена динамика семантического поля слова «атлет» (и его производных) в русском языке XVIII — начала XX века. Исследование опирается на теоретические концепции лингвистического портретирования и дискурс-анализа, что позволяет дать всестороннюю характеристику исследуемому явлению. Анализ текстов демонстрирует трансформацию значения заимствованного слова: от обозначения древнегреческого борца (середина XVIII века, латинское или французское происхождение) к обозначениям людей, занимающихся физической культурой (конец XIX века). Показано, как менялись представления о мужчине и женщине-атлете (геркулеска, атлетка) и какие культурные стереотипы были связаны с этими образами. Продemonстрировано, что семантика всей группы слов с корнем -атлет- тесно связана с историческими и социальными процессами, отражая изменения в ценностных предпочтениях и ориентациях общества. Проанализированы причины расширения семантического поля, превращения слова «атлет» в многозначное, употребляемое в различных контекстах; выявлены различия культурных стереотипов, связывающих маскулинитив «атлет» и феминитив «атлетка» с оценками о физической силе; показана роль заимствований из французского и английского языков, обогативших русский язык новыми оттенками значения слова «атлет»; охарактеризована связь всей группы однокоренных слов с социальными и культурными изменениями в Европе и России XIX века.

Ключевые слова: заимствование, портрет слова, дискурс-анализ, стереотип, феминитив, гендер, семантика, словообразование

**1. Предварительные замечания:
теоретические предпосылки, объект, материал
и методы исследования**

Построение лингводискурсивных «портретов слова», получившее мощный импульс развития в российской лингвистике в последние десятилетия XX века, имеет под собой прочную теоретическую основу в

разноаспектном анализе слова и его семантической структуры. Обобщающие работы выдающихся филологов В. В. Виноградова (1979), Л. А. Булаховского (1954), В. В. Веселитского (1972), Ю. С. Сорокина (1965), многочисленные статьи, посвященные семантической истории отдельных слов, являются прочной теоретической базой для исследований в области исторической лексикологии русского языка XVIII – XIX веков. Эти труды фиксируют закономерности развития лексической системы, исторические и социальные факторы, влияющие на словарный состав, формулируют методы изучения лексики.

Интенсивное развитие исторической лексикологии заложило надежный концептуально-методический фундамент для современного этапа изучения истории лексем, включая построение лингводискурсивных портретов слова. Диахронический аспект стимулирует изучение метафоризации и семантических сдвигов, деривационных процессов. Подобные исследования помогают выявить устойчивые языковые конструкции, коллокации, клише, которые сохраняются или трансформируются в различных исторических периодах. Создание «портретов слова» способствует развитию и усовершенствованию теоретических моделей, объясняющих механизмы языковых изменений.

Объектом лингвистического портретирования в статье выступает слово *атлет* (и его производные) в хронологически ограниченный период – с момента его появления в XVIII веке до первых годов XX столетия. Такой хронологический срез позволяет, с одной стороны, дать конкретно-историческую историю освоения конкретного заимствования, а с другой – выявить семантико-прагматические тенденции в рамках теоретических подходов к лингвистическому моделированию «портрета слова». Выбор в качестве объекта изучения слова *атлет* и его производных обусловлен тем фактом, что в течение полутора – двух веков они претерпели ряд глубоких и разносторонних преобразований, что дает возможность продемонстрировать влияние различных факторов на изменение слова.

Цель статьи – представить комплексный анализ («портрет») слова *атлет*, его производных, их парадигматики и синтагматики с семантической, словообразовательной, социокультурной, прагматической, гендерной точек зрения.

Теоретической базой исследования является интеграция современных концепций лингвистического портретирования, или моделирования (Апресян 1995, 2006; Мишати́на, 2018), и ее практического воплощения (напр., (Фролова 2010; Черникова 2017; Соколова 2024)) с теорией дискурс-анализа (особенно в его преломлении к изучению языка) (Van Dijk 1993; Fairclough 2001). Такой синтез, на наш взгляд, позволяет реализовать исследовательские принципы: 1) разноаспектности (слово рассматривается как сложная единица, обладающая различными характеристиками: лингвистическими, дискурсивными, контекстуальными), 2) динамичности (значение и функции слова не статичны, а изменяются в зависимости от контекста употребления, исторического периода и культурных особенностей), 3) системности (слово не существует изолированно, оно является частью языковой системы и взаимодейст-

вует с другими языковыми единицами), 4) антропометричности (язык и речь рассматриваются как средства человеческого общения, а слово — как инструмент выражения мыслей и эмоций).

Источниками исследования послужили материалы электронного «Словаря русского языка XIX века» (СРЯ XIX), «Словарь русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII), «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) и, в частности, его новый инструмент «Портрет слова» (Савчук и др. 2024), собственные материалы авторов статьи, различные лингвистические работы. В работе использованы методы анализа: этимологический, валентностный, семантический, дистрибутивный, контекстуальный, компонентный.

2. Слово *атлет* в русском языке XVIII века

Слово *атлет* появилось в русском языке в XVIII веке и до начала XIX века существовало в двух конкурировавших формах: в Эразмовом произношении *авлёт*, *авли́т* (1766), стремящемся к более точной реконструкции древнегреческого языка, и в Райхлиновом — *атлет* (1734), при котором древнегреческая буква «θ» (фита) заменялась на «т», что ближе к новогреческому произношению (Christiani 1906, S. 51–52; Черных 1999, с. 58). Этимологи сомневаются в указании точного источника заимствования в русском: либо из нем. *Athlet*, либо из франц. *athlète* (Фасмер 1986, с. 96; Черных 1999, с. 58), прототипы лежат в греческом (ἄθλητής) и латинском (*athleta*) языках. А. Е. Аникин считает его интернационализмом (2007, с. 333–334).

В литературе той эпохи неологизм фиксируется в значении ‘древнегреческий борец, участник состязаний’:

(1) Пятый подвиг [на Олимпийских играх] был кулашный бой; а бойцы, называемы **Атлеты**, или Пугилы¹, вооружали иногда руки толстыми ремнями и палками [Арг.] (СРЯ XVIII, с. 111).

В слове отмечены также переносное значение ‘о воинах на поле брани’ (2) и расширительное ‘богатырь, силач’ (3):

(2) Но, не взираючи на здравые совѣты, Стремитесь в жару, о дерзкие **атлеты**! [Майк. Соч.] (СРЯ XVIII, с. 111);

(3) Остер будь, или туп, **атлет**, иль дряхл и слаб [Длгрк.] (СРЯ XVIII, с. 111).

В качестве производных от слова *атлет* фиксируются притяжательное прилагательное *атлетов* (4) и относительное *атлетический* (5), (6), причем притяжательное прилагательное *атлетов* встречается лишь в начале XIX века и имеет единичный характер:

¹ Пугилы (или пугили; от латинского слова *pugil* ‘кулачный боец’) — древнегреческие бойцы, участвовавшие в кулачных боях. Атлеты, в свою очередь, — это более общее понятие, которое включало всех участников различных спортивных состязаний, таких как бег, борьба, метание диска и копья, а также панкратион — древнегреческое боевое искусство, сочетающее элементы борьбы и кулачного боя.

(4) Не **Атлетовы** силы, но любовь к отечеству делает воинов непобѣдимыми [Крм. 1803] (СРЯ XVIII, с. 111).

По-видимому, и переносное, образное употребление слова *атлет*, и производные прилагательные являются французскими кальками. На это указывает сопоставление переводов В. К. Тредиаковского, в которых впервые в русский язык вводится прилагательное *атлетический*, и их французских источников, ср.:

(5) Мы уже не имеем *потех атлетических*, соблюдавших силы во всем народе [Жит. Бак.] (СРЯ XVIII, с. 111) — *Nous n'avons plus les jeux des Athlètes qui entretenoient les forces de tout une nation* (Deleyre 1756, p. 321) (букв. 'игр атлетов').

(6) Наука, которая их [атлетов] обучала сим Подвигам, называлась Гимнастика от наготы **Атлетов**. Которые определяемы были к **Атлетическому** художеству, ходили от самая своєю юности в Гимназии или Палестры (Роллен 1760, с. 46) — *L'art qui les formoit a ces combats s'appelloit Gymnastique, a cause de la nudité des Athlètes. Ceux que l'on destinoit a la profession d'Athlète, fréquentoient, dès leur plus tendre jeunesse, les Gymnases ou Palestres* (Rollin 1733, p. 68—69).

Таким образом, к началу XIX века русский читатель уже был знаком с новым словом (и его семантическими и словообразовательными производными), в распространении которого в литературно-книжном обиходе особенно большую роль сыграл В. К. Тредиаковский благодаря своим переводам с латинского и французского языков.

Семантическое содержание новых слов еще достаточно ограничено, но в русском языковом сознании XVIII века уже были зафиксированы признаки, связанные с древнегреческими состязаниями (номинативный аспект) и ассоциативно-семантическими производными: физическая сила, телесная мощь (функциональный перенос) и нравственная сила (метафорический перенос).

Эти смысловые компоненты послужили отправной точкой для глубокого освоения и укоренения слова и понятия в языке XIX века, чутко реагиравшем на внутри- и экстралингвистические факторы.

3. Развитие полисемии слова *атлет* в XIX веке

В случае со словом *атлет* можно выявить несколько механизмов, которые привели к расширению его семантического поля. В русском языке XIX века этимологическое значение, обозначающее древнегреческих участников Олимпийских игр, хотя и продолжает существовать, однако становится периферийным:

(7) Бой гладиаторов и **атлетов**, на который я особенно обращаю внимание читателей, был любимым зрелищем древних римлян [Письма о русской журналистике. XVIII // Современник. 1850] (НКРЯ).

Именно в своем исходном значении слово *атлет* (в форме *аөлет*) фиксируется в словаре Яновского, ср.: «Аөлеты или атлеты. На греческом значит *ратоборцы*, у древних греков собственно так назывались борцы и кулачные бойцы на торжественных играх» (Яновский 1803, стб. 300). Там же отмечено и слово *атлетика* (*аөлетика*) в значении 'искусство бороться'. Многочисленные словари XIX века по традиции продолжали упоминать слово *атлет* в его исходном значении.

Между тем семантическая структура слова *атлет* в XIX веке подверглась сильной трансформации за счет обильного калькирования из французского языка и достаточно быстрого проникновения слова в русскую лексическую систему.

Из французского языка в первые десятилетия было калькировано переносное значение 'о выдающемся деятеле (в искусстве, науке и т. п.)', использовавшееся в русском языке на протяжении всего XIX века (8—9):

(8) Впрочем, можно ли советовать такому *Атлету*, который сам давно мечет критики и эпиграммы в худых писателей и намерен подарить нас переводом Феды? [Отечественные записки. 1822] (СРЯ XIX).

В своем письме 1825 года П. А. Вяземский так писал об А. С. Пушкине:

(9) Мелкие стихотворения и новая поэма Пушкина «Цыгане» готовятся к печати. Слышно, что юный *атлет* наш испытывает свои силы на новом поприще и пишет трагедию: «Борис Годунов» (Вяземский 1871, с. 203).

Слово *athlète* во французском языке использовалось для оценочной характеристики выдающихся деятелей в различных областях, таких как искусство и наука. Вот несколько примеров из французской литературы XIX века: *athlète de la musique* 'атлет музыки' [Ж. Санд. Консуэло. 1842—1843], *athlètes de l'esprit* 'атлеты духа' [О. Бальзак. Человеческая комедия. 1842], *athlète de la vertu* 'атлет добродетели' [Г. Флобер. Госпожа Бовари. 1857], *athlète de la science* 'атлет науки' [Ж. Верн. 20 000 лье под водой. 1870], *athlète de la scène* 'атлет сцены' [Э. Золя. Нана. 1880] и т. д.

Как и во французском, лексема *атлет* — принадлежность риторических жанров речи, книжно-возвышенного стиля:

(10) Земля здешней долины вознеслась наконец на раменах *русских атлетов* до гребня сих неприступных высот и образовала укрепления, у подножия коих разобьются, без сомнения, еще не раз бурные валы орд оттоманских [В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии. 1829] (НКРЯ).

Также французским влиянием можно объяснить в русском языке употребление слова *атлет* в значении 'подвижник, мученик, борец за веру':

(11) Христиане и благочестивые пастыри церкви... избрали на Католикосскую [так!] кафедру с утверждения Вахтанга, брата его Архиепископа Доментия,

атлета веры и добродетели [П. И. Иоселиани. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан. 1849] (СРЯ XIX) (ср. франц. прототип: *athlète de la foi*).

Во французском уже с середины XVI века (1554 год) существовало словосочетание *athlète de Jésus-Christ* в образном (фигуральном) значении 'человек, который борется (до смерти) в защиту своей веры, мученик' (Trésor n. d.).

Ввод новых обозначений и значений происходил при помощи подтолкования с целью сделать текст более понятным и доступным для читателя; особенно это касалось специфических терминов, которые могли быть непонятны без дополнительного объяснения:

(12) *Хочешь ли слышать истинного подвижника (атлета) Христова, сражающегося по законному праву ратоборства?* [Иоанн Кассиан Римлянин. Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. Пер. с лат. 1892] (СРЯ XIX).

Вероятно, непосредственной семантической калькой из французского следует считать в русском языке и значение 'человек, обладающий мощной мускулатурой, очень большой силой' (Trésor n. d.). Его укоренение в русском активно происходит с 1820-х годов:

(13) *Только что общество наше вышло на площадку, оно повстречалось с тремя ухарскими франтами, из которых средний, атлет страшного роста, косая сажень в плечах, с усами а la Napoleon III, выпятив вперед высоко поднятый локоть левой руки, сорвал с себя шляпу и, сделав Полиньке гримасу, сказал: – Же ву салю, мадам* [Н. С. Лесков. Некуда. 1864] (НКРЯ).

Переносное значение слова *атлет* 'богатырь, силач' впервые фиксируется в словаре 1861 года, ср. *атлет* 'вообще человек сильно сложенный' (Полный словарь иностранных слов 1861, с. 59), далее — у А. Д. Михельсона и в более поздних словарях. Отметим, что в словаре Михельсона дефиниция переносного значения немного расширена — 'вообще человек, сильный телом или духом' (Михельсон 1865, с. 70). Не исключено, что добавочный компонент «и духом» отсылает к указанному выше значению 'о выдающемся деятеле (в искусстве, науке и т. п.)'.

Последняя четверть XIX века ознаменовалась бурным развитием спортивного движения в мире. Зародившись и быстро распространившись в Англии уже в 1860-е годы, быстро привившись в Северной Америке, оно, однако, с некоторым недоверием, а порой и враждебностью воспринималось в континентальной Европе вплоть до 1880-х годов (еще в 1870-е годы можно встретить многочисленные публикации педагогов о вреде спортивных упражнений). Развитию спорта способствовало расширение системы государственных школ, в которых спортивные игры и упражнения стали обязательным элементом обучения и воспитания. Мощный импульс для распространения в мире спорт получил к началу движения Олимпийских игр в 1890-х годах (Naul, Scheuler 2020, p. 24 – 25).

Эти изменения непосредственным образом сказались на развитии у слова *атлет* «спортивного» значения, калькированного из европейских языков (французского, немецкого и английского):

(14) Среди английской университетской молодежи поэтому и встречаются гораздо чаще *атлеты*, нежели мыслители [Вестник Европы. 1872] (СРЯ XIX). Касалось — разрешить вопрос, кто лучший гонщик сезона, а звание это могут оспаривать двое — Жаклэн и Морэн. Действительно эти *два атлета* должны быть признаны героями сезона [Самокат. 26.10.1896] (СРЯ XIX).

Отметим, что спортивное значение слово *атлет* не имело определенности в русском языке (как и в других языках): лексема употреблялась для обозначения как спортсмена вообще, так и участника определенных видов спорта, в том числе и тех, которые не относятся сейчас к атлетике (например, футбола). В разных странах семантическое наполнение слова *атлет* не совпадало: так, во французской культуре это слово чаще использовалось для обозначения *легкоатлета*, в немецкой — *тяжелоатлета*. В русском языке, видимо под влиянием немецкого языка, слово *атлет* развивает значение 'спортсмен, занимающийся борьбой или поднятием тяжестей':

(15) В поднимании гирь участвовало 9 *атлетов*, из них двое знакомы петербуржцам — Лаас и Кливе [Спорт. 09.06.1900]; Итальянский *атлет* Снотти вызвал всех *атлетов* мира, преимущественно победителей всемирного чемпионата в борьбе, на матч по подыманию тяжестей [Спорт. 08.01.1902] (СРЯ XIX).

Наконец в самом конце XIX века в русский язык (из французского или английского) проникает значение 'амплуа циркового артиста; цирковой силач'²:

(16) Действительно, его [Микешина] руки казались такими, что им могли бы позавидовать *атлеты*, которые показываются в цирке [Исторический вестник. 1897] (СРЯ XIX).

«Цирковое» значение слова *атлет* нечетко отделялось от спортивного: на рубеже XIX—XX веков многие профессиональные спортсмены (прежде всего борцы) выступали в цирках, то есть сферы циркового искусства и спорта не были отделены друг от друга; ср.:

(17) Но из всех людей, причастных цирку, *атлеты* и профессиональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищение, достигавшее размеров настоящей страсти [А. И. Куприн. В цирке. 1902] (СРЯ XIX).

² Во французском переосмысление термина *athlète* и вхождение его в смысловую сферу цирковых развлечений связано с таким фактом: династия наездников Франкони в 1807 году открыла новый амфитеатр на улице Мон-Табор в Париже. Выбрав название «Олимпийский цирк», Франкони апеллировали к древнегреческим играм, подчеркивая тем самым величие и историческую значимость своих представлений. В этом цирке выступали атлеты, гимнасты, шуты и дрессированные звери, а верховая езда всегда была важной частью представлений (Trésor n. d.).

Таким образом, на протяжении XVIII—XIX веков семантическая структура корневого слова *атлет*, складываясь под сильным влиянием иноязычных источников, в первую очередь на французском языке, претерпела значительную трансформацию. Войдя в русский язык как элемент культуры Античности, укоренившейся в европейских культурах эпохи Просвещения и, под их влиянием, в русской культуре Нового времени, это слово имело книжный характер, который сохраняло и в переносном употреблении первой половины XIX века, когда использовалось для обозначения выдающихся деятелей (прежде всего писателей и поэтов).

Ситуация меняется, когда слово *атлет* начинает фигурировать в значении 'человек, обладающий мощной мускулатурой, очень большой силой' и особенно в спортивном и цирковом значениях, которые к концу XIX века вытесняли из употребления метафорические значения, связанные с моральной, религиозной сферами, областью литературы и искусства.

Произошедшие семантические и стилистические сдвиги напрямую проявились в изменении словообразовательных особенностей слова *атлет*, о которых речь пойдет далее.

4. Расширение словообразовательного ряда

В языке XIX века происходило стремительное пополнение ряда однокоренных слов, заимствованных или созданных на русской языковой почве: существительных (*атлетика, атлетизм, атлетоман, атлетка*), прилагательных (*атлетистый, атлетический, атлетичный*), наречий (*атлетически*; часто как обстоятельство образа действия: *атлетически сильный, атлетически изящный, атлетически сложенный, атлетически развитый*).

Семантическая структура производных слов чаще всего повторяла иноязычные прототипы, и это ярко проявляется и в значениях, и особенно в терминологических сочетаниях и коллокациях: *атлет (+ по)* — франц. *athlète par* (*атлет по сложению* [Телескоп. 1832] (СРЯ XIX), *атлет по росту и силе* [И. А. Гончаров. Обрыв. 1869] (СРЯ XIX)); *цирковой атлет* — франц. *athlète de cirque*, англ. *circus athlete*, нем. *Zirkusathlet*; *атлетизм* — англ. *athletism, athleticism*, франц. *athlétisme*; *легкая атлетика* — нем. *Leichtathletik* и т. д.

Калькированный характер прослеживается в многочисленных сочетаниях с прилагательным *атлетический*, описывающих внешность человека: *атлетическая красота* (франц. *beauté athlétique*, нем. *athletische Schönheit*); *атлетическая сила* (франц. *force athlétique*, нем. *athletische Stärke*); *атлетическая фигура* (франц. *figure athlétique*, нем. *athletischer Figur*); *атлетический рост* (франц. *taille athlétique*, нем. *athletische Größe*); *атлетическое телосложение* (франц. *constitution athlétique*, нем. *athletischer Körperbau*); *атлетическое тело* (франц. *corps athlétique*, нем. *athletischer Körper*) и пр. К ним примыкают наречно-адъективные сочетания типа *атлетически сложенный* (франц. *athlétiquement constitué*, нем. *athletisch gebaut*) или *атлетически развитый* (франц. *athlétiquement développé*, нем. *athletisch entwickelt*). Впервые прилагательное *атлетический* в значении 'подобный ат-

лету, крепкий, сильный' фиксируется в словаре иностранных слов 1861 года (Полный словарь иностранных слов 1861, с. 59), эта дефиниция повторяется у Михельсона (Михельсон 1865, с. 70).

Спортивное значение прилагательного *атлетический* сопровождалось появлением в русском языке устойчивого сочетания *атлетический спорт* (англ. *athletic sport*, франц. *sport athlétique*, нем. *athletischer Sport*), заимствованный характер которого особенно заметен при его употреблении в форме мн. числа:

(18) *Будь Бофор более склонен к атлетическим спортам, он оценил бы лучше старания мальчика не отставать от него ни на шаг* [Вестник Европы. 1893] (СРЯ XIX) (ср. англ. *athletic sports*, франц. *sports athlétiques*).

Однако преимущественно калькированный характер многих дериватов слова *атлет* не исключал и действие собственно языковых механизмов русского языка. Выше отмечалась калька-фраза *легкая атлетика* (от нем. *Leichtathletik*), однако составляющая ему пару конструкция *тяжелая атлетика* сформировалась на русской почве (по той же модели), став синонимом выражения *поднятие тяжестей* (ср. англ. *weightlifting*, нем. *Gewichtheben*). Первые случаи употребления словосочетаний относятся к рубежу веков:

(19) *По тяжелой атлетике первенствовал Г. К. Мейер, вытолкнувший двумя руками 8 пудов 3 фунта и 6 пудов одною рукою* [Самокат. 20.03.1899]; *Прежде публика была уверена, что в Атлетическом обществе можно только заниматься атлетикой, т. е. вернее сказать тяжелой атлетикой, между тем как теперь та же публика все больше и больше приходит к убеждению, что это мнение совершенно ложно* [Спорт. 27.11.1900] (СРЯ XIX).

Появление сочетаний *легкая атлетика* и *тяжелая атлетика* не только стало способом преодоления многозначности слова *атлетика*, способного в конце XIX века обозначать разные виды спорта, но и породило, в свою очередь, словосочетания *легкий атлет* и *тяжелый атлет*, которые предшествовали современным однословным номинациям *легкоатлет* и *тяжелоатлет*. Новизна и неузуальный характер фраз подчеркивается в примере (20) употреблением кавычек:

(20) *Так, например, в метании ядра весом в ½ пуда, кажется, должны были бы отличаться атлеты, между тем как каждый способный и тренированный «легкий» атлет перебросит «тяжелого» атлета, так как тяжелая атлетика делает мускулы неэластичными* [Спорт. 12.01.1902] (СРЯ XIX).

Сочетания *легкий атлет*, *тяжелый атлет* свидетельствуют и еще об очень важном изменении в отношениях производности в составе гнезда: при употреблении слова *атлет* в спортивном значении оно, по сути, становится в отношении семантической производности к словам *атлетика*, *атлетизм*: эти слова начинают обозначать определенный вид человеческой деятельности, а слово *атлет* — их участника. Эту деривационную перемаркировку отражают словообразовательные словари современного русского языка.

Действие языковых механизмов русского языка можно проследить в конкуренции и дифференциации паронимических прилагательных *атлетический* и *атлетичный*. Французский суффикс *-ique* мог передаваться на русский прилагательными на *-ический* или *-ичный*. Этот факт хорошо известен языку XIX века: «практически все прилагательные на *-ический*, где возможны качественные значения, имеют параллельные образования на *-ичный*» (Сорокин 1965, с. 169)³. Однако их употребление, судя по нашим материалам, было в значительной мере семантически и прагматически дифференцированным.

Лексема *атлетический* чаще всего семантически связана с физическим развитием, силой, выносливостью, используется для описания физических характеристик человека (рост, фигура, телосложение), имеет нейтральные или положительные коннотации, ассоциированные с идеалом физического совершенства; ср. примеры: *атлетическое телосложение*, *атлетическая фигура*, *атлетические упражнения*.

Лексема *атлетичный* обычно имеет более эмоциональную окраску, указывая на энергичность, динамичность, силу духа, может использоваться как для описания физических черт, так и для характеристики действий, манеры, стиля, может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, в зависимости от контекста (например, для описания грубой силы, агрессивности, недостаточной степени мастерства):

(21) Кузнец должен уметь представить размерные удары молотка по нако-
вальне; позы его должны быть *атлетичны*, а движения порывисты, неровны и
сильны [К. Блазис. Танцы вообще, балетные знаменитости и национальные
танцы. Пер. с фр. 1864] (СРЯ XIX);

(22) По-прежнему, талант г. Сливинского недостаточно *атлетичен* для пе-
редачи Бетховена... [В. Е. Чешихин. Отголоски оперы и концерта. 1896] (СРЯ
XIX).

Таким образом, во второй половине XIX века слово *атлетичный* имело более широкое значение, чем *атлетический*, и могло употребляться для описания не только физических, но и более абстрактных качеств, связанных с мастерством, точностью движений, энергией исполнения музыкального произведения (метафорически). Это напрямую обуславливалось способностью прилагательного *атлетичный* иметь краткую форму и, как следствие, использоваться в позиции предиката, которая способствовала развитию у него оценочного употребления.

Эти различия повлияли и на словообразовательную мотивацию прилагательных *атлетический* и *атлетичный*. В XVIII веке прилагатель-

³ Ср. аналогичное утверждение: «Окончание *-ический* обыкновенно переводит к нам иностранные прилагательные на *-icus* (франц. *ique*, нем. *isch*): *критический*, *физический*; иногда, для сокращения формы и для удобства образования краткого прилагательного, употребляется в том же значении суффикс *-ичный*: *поэтичный*, *логичный*, т.е. к французскому окончанию *ique* прилагается наш обычный суффикс *-ный*, причем предшествующий звук К (*que*) превращается в Ч» (Грот 1876, с. 350).

ное *атлетический* имело только одну деривационную мотивацию (*атлет* > *атлетический*), однако в течение XIX столетия стало рассматриваться также как дериват от слов *атлет*, *атлетка*, *атлетика*, *атлетизм*:

(23) Самые популярные из всех *атлетических* упражнений бег, кулачный бой и гребля в лодках [Е.Н. Водовозова. Жизнь европейских народов. 1881]; *Атлетические* упражнения на гимнастических снарядах справедливо осуждаются многими гигиенистами как изменяющие форму и симметрию тела тем, что только некоторые мышцы тела наделяются *атлетическими* свойствами — силой и ловкостью, между тем как все другие органы от этого ничего не выигрывают, и в худшем случае им наносится непоправимый вред [Вестник воспитания. 1891]; Но в конце заседания г. Демчинскому дали, что называется на языке *атлетических* состязаний, «подножку» — и очень скверную подножку [Стрекоза. 04.11.1901] (СРЯ XIX).

В приведенных примерах прилагательное *атлетический* может быть рассмотрено как производное и от *атлет* (при помощи суффикса *-ическ-*), и от *атлетика*, *атлетизм* (при помощи суффикса *-еск-*). Это напрямую обуславливалось отмеченным выше изменением семантической производности между словами *атлет* и *атлетика*, *атлетизм*. Отметим, что А.Н. Тихонов считает современное прилагательное *атлетический* производным от всех этих существительных (2014, с. 41).

Вместе тем эти процессы не затронули прилагательное *атлетичный*: возникшее в XIX веке, оно имело семантико-словообразовательную производность только от слова *атлет* (в разных значениях, особенно с качественным или метафорическим оттенком).

Аналогично прилагательному *атлетичный* только со словом *атлет* было связано прилагательное *атлетистый*, единично отмеченное в русском языке XIX века:

(24) Тоже цель была завлечь одного молодого человека — фельдшера. Красавец был, колос <так!>, государь мой, мужчина атлетистый. Ну, и наметила его Анна Алексеевна [Д. А. Вилинский. Бытовые охотничьи рассказы. 1892] (СРЯ XIX).

Так «в синхронической плоскости оказывались связанными словообразовательными отношениями в русском языке слова, диахронически являющиеся однокоренными заимствованиями разного времени, а иногда и из разных языков» (Акуленко 1972, с. 176).

5. Гендерно ориентированные номинации

Развитие спортивного движения в России и в мире шло рука об руку с движением феминизма: многие женщины стремились проявить себя в сфере спорта, заявить о своих правах и составить конкуренцию мужчинам в различных видах спорта. Участие женщин в спортивных состязаниях привело к многочисленным сдвигам как в культурно-поведенческих моделях, так и в языке. В связи с первым аспектом отметим неприятие значительной частью общества (не только мужской, но и еще в большей степени женской) женщин-спортсменок.

Первым видом спорта, вызвавшим активное образование феминитивов, стала езда на велосипеде. Для обозначения женщин, которые катались на велосипедах, в языке синхронно появились слова *велосипедистка*, *самокатчица*, *самокатница* (отмечаются с 1894 года), *циклистка* (с 1895 года), отражая быстрое распространение моды на велосипед — первый вид спорта, который стал массовым. Разрушение границ между мужским и женским поведением, в частности в области костюма, вызывало даже общественное порицание, ср.:

(25) В приказах по петербургской полиции напечатано, что 20-го минувшего сентября, в 6 часу вечера, г. градоначальником были замечены на Невском проспекте ехавшие в несоответствующих, обращающих на себя внимание публики, костюмах две *велосипедистки* [Циклист. 30.10.1897].

В области языка процесс феминизации спорта вызывал, с одной стороны, выработку феминитивов для обозначения участниц спортивных состязаний, а с другой — поиск речевых моделей для описания и оценки женщин-спортсменок.

Анализ гендерной дифференциации в описаниях *атлетов* и *атлеток* позволяет, во-первых, проанализировать, как в корпусном материале нашего исследования характеризуются, описываются мужчины-атлеты и женщины-атлетки, и, во-вторых, выявить гендерные стереотипы.

Слово *атлетка* отражает в своей семантике не все значения формы *атлет*, а прежде всего указывает на большую физическую силу женщины, вызывающую удивление, восхищение, неодобрение и прочие эмоции окружающих людей.

Для обозначения женщины-силачки одновременно в русском языке появилось два феминитива с разной этимологической мотивировкой и производящим словом. Метафорическое обозначение женщины-силачки *геркулеска* (1879) было этимологически мотивировано возможным иностранным прототипом *Female Hercules* в русской словообразовательной огласовке:

(26) Около балагана с вывеской «Американка огнеетка 10 лет и *геркулеска*» стоит купец, с ребятишками в лисьих тулупчиках [Н. А. Лейкин. Шуты городские. 1879] (СРЯ XIX).

В этом примере упомянуты два популярных цирковых амплуа — пожиратели огня (*fire-eaters*) и силачки (часто называемые «женщинами-Геркулесами», *Female Hercules*). В описываемую Лейкиным эпоху особенно популярной была Кэти Сандвина (*Katie Sandwina*) и Вулкана (*Vulcana*), которую часто называли «женщиной-Геркулесом» (*The Female Hercules*), они славились своей силой и выступали в цирках Европы и Америки, в том числе и в России.

Вскоре, в 1882 году, фиксируется производное слово *атлетка* от уже давно существовавшего в русском языке слова *атлет* в корреспондирующем значении маскулинитива 'человек, занимающийся физическими

упражнениями, тренирующий тело' как языковой факт, отражавший активно развивавшееся в 1860—1870-е годы движение женской эмансипации:

(27) Я даже полагаю: вздумай женщина выработать свои физические силы до грубой степени, природа нисколько не воспротивится удовлетворить этому честолюбивому желанию. Чтобы воспитать молодых **атлетов**, ничего более не требуется, кроме с раннего детства начатых непрерывных телесных упражнений и укрепления мускулов [Русская мысль. 1882] (СРЯ XIX).

Примечательно, что первая фиксация слова *атлетка* отражает неодобрительно-оценочные коннотации слова, обусловленные тем, что в европейской культуре до середины 1880-х годов господствовало скорее отрицательное отношение к спорту.

В самом конце XIX века появляется специализированное употребление для обозначения женщины-силачки (обычно иностранки), выступающей в цирковых номерах:

(28) Мисс Арниотис свободно поднимает двумя руками стул, на котором укрепляется длинная доска. Человек солидных размеров влезает на эту доску и раскачивается то вправо, то влево, делая самые порывистые и непредвиденные движения... Сила **атлетки** сосредоточивается не только в ее руках: челюсти ее также сильно развиты. <...> «Гвоздь» представления составляет следующий номер: пять человек садятся на доску, укрепленную на стуле, и при неистовых аплодисментах публики **силачка**, улыбаясь, без заметного напряжения, поднимает их на воздух [Вестник иностранной литературы. 1897] (СРЯ XIX).

К концу XIX века русском языке складывается семантическое гнездо, представленное пятью элементами: однословными производными *атлетка*, *геркулеска*, *силачка* и двусловными кальками-композициями *дама-атлетка* (англ. *lady athlete*), *женщина-атлетка* (англ. *woman athlete*):

(29) Четвертая *атлетка* — 2-жа Я., замужняя особа, которая своею физическою силой значительно превосходит своего мужа. Против же других **дам-атлетов** она стоит гораздо ниже. В то время как другие выжимают около двух с половиною пудов одною рукой, она то же делает лишь двумя... [Циклист. 21.12.1897].

(30) Давно уже в числе артисток были цирковые наездницы и акробатки, теперь же несколько дам, между ними одна наша соотечественница, москвичка Роза Катовская, до такой степени развили свои мускулы, что выступили на подмостках настоящими борцами. Местом этого изумительного состязания служил кафе-шантаный театрик «Колосеум» в Вене, и **женщины-атлеты** производили сенсацию [Циклист. 10.03.1901].

Описательные номинации с компонентом *женщина* (реже *дама*) широко использовались для обозначения женщин, занимавшихся спортом. В литературе рубежа XIX—XX веков встречаются *женщины-авиаторы*, *-гребцы*, *-боксеры*, *-жокеи*, *-пловцы* и т.д. Необходимо отметить чрезвычайно важный количественный аспект употребления феминитивов: численно аналитические (калькированные лексемы) и синтетические формы феминитивов с суффиксом *-к(а)* практически уравнивали

друг друга, причем именно аналитические формы выполняли дискурсивную функцию, связанную с вводом в русский языковой обиход и узуализацией в нем спортивных феминитивов.

Синтагматическое окружение лексем *атлет* и *атлетка* радикально не совпадает. Типичные характеристики мужчины-атлета — *крепкого телосложения, большой физической силы, с мощной мускулатурой, высокого роста, рослый, плечистый, необъятной силы, несокрушимого здоровья, страшного роста, мускулезный, крепко-сложенный* и т. д.; наиболее частотные характеристики женщины-атлетки — *королева пушек, могучее телосложение, блестящий успех, геркулеска, силачка, неистовые формы*. Приведем несколько примеров (31 — 34).

(31) Ярмарки — повсеместны; <...> видите ярмарку в полном разгаре, с балаганами, парусинными шалашами, с трактирами, смрад из которых достигает даже до парохода, с разными фокусниками, шарманками, девицей «геркулеской», показывающей за три копейки свои **неистовые формы**, и т. д. [Г. И. Успенский. Мелкие агенты крупных предприятий. 1887] (СРЯ XIX);

(32) Жаль было одну *девку* — она ночью просидела на веслах два перегона — по почтовым правилам и **коней запрещено гонять разом на два станка**. Эта атлетка, не отстававшая от ямщиков в гребле и отпихивании шестом, была **русская по типу, и по костюму**, но ни слова не понимала по-русски; она с русскими ямщиками все время болтала по-якутски [Вестник Европы. 1898] (СРЯ XIX);

(33) Сила атлетки сосредоточивается **не только в ее руках: челюсти ее также сильно развиты** [Вестник иностранной литературы. 1897] (СРЯ XIX);

(34) Ревельская атлетка г-жа Беллинг дебютировала недавно в Варьете «на горке». Она имела **блестящий успех**, что подтвердили и все местные газеты; в последний вечер ее дебюта ей был преподнесен от имени любителей спорта **роскошный лавровый венок** [Спорт. 29.06.1902] (СРЯ XIX).

Представленный список коллокаций дает возможность квалифицировать очевидную гендерную дифференциацию и дискурсивную сегрегацию. Описание мужчин-атлетов акцентируется на их физической силе, мускулатуре и телосложении, часто упоминаются такие качества, как *крепкий, мощный, высокий, рослый, плечистый*. Внимание уделяется их физическим достижениям и способностям, например *поднимающий тяжести, борец*. Однако все эти качества не выступают за рамки общепринятых стереотипов.

Описание женщин-атлеток также включает физическую силу, причем гиперболизированное сравнение может происходить даже не с мужской силой, а с мощью коней (впрочем, эта метафора-прецедент не была чужда русскому языковому сознанию, ср.: «коня на скаку остановит». Н. Некрасов). Также акцентируются внешние признаки (*русская по типу и костюму, челюсти сильно развиты, неистовые формы, «юный возраст, малый рост (два арш<ина> полтора вершка) и незначительный вес тела (3 пуда)»*), упоминаются такие профессионально-характеризующие качества, как *дама-атлетка, королева пушек*; [г-жа М. С. П-ва] *имеет свой «особый номер»*, <...> а именно поднятие тяжести на груди и выжимание штанг «с моста» [Циклист. 03.10.1898] (СРЯ XIX) с целью подчеркнуть не столько их уникальность, исключительность, необычность в социуме

и профессиональном мире с упоминанием спортивных успехов и достижений (*блестящий успех; роскошный лавровый венок* — традиционный символ оценивания, чествования побед мужчин, начиная с античности), сколько маргинальность. Поначалу *атлетки* — это, как правило, иностранки, но к концу XIX века ими становятся и русские женщины; крепнет медийный дискурсивный маркер, указывающий на «заразительность», инициированную и мотивированную мужчинами:

(35) Г-жа П-ва «заразилась» спортивным увлечением от своего брата, горного студента Н. С. П., который считается одним из лучших *атлетов* Петербурга [Циклист. 03.10.1898] (СРЯ XIX).

Семантический объем слова *атлетка* оказывается значительно уже, чем слова *атлет*, и основывается на двух ведущих семантических компонентах: 1) 'женщина с *исключительной* физической силой', 2) '*профессионально* занимающаяся силовыми видами спорта или цирковыми выступлениями'. В слове очень сильны социально-маркированные и индивидуально-авторские коннотации.

Таким образом, анализ гендерных номинаций, отражающих формирующиеся в конце XIX — начале XX века представления о мужчинах и женщинах с невероятной физической силой, выявляет ярко выраженные гендерные стереотипы. Мужчины-атлеты в первую очередь ассоциировались с физической силой и ее внешней «представленностью» в мышцах, мускулах, высоком росте, ширине плеч, а женщины с атлетическим сложением представлялись скорее подчеркнуто описательно, через словесную визуализацию антуража совершаемых ими действий, призванных вызывать ошеломляющее удивление. Эту визуально-дискурсивную модель дополняло упоминание о нестандартной внешности. Такие стереотипы были характерны для массового сознания конца XIX — начала XX века и отражали господствующие представления о гендерных ролях.

6. Заключение

Разноаспектный анализ слова *атлет* (и его дериватов) объемно демонстрирует жизнь слова на протяжении двух столетий и те факторы, которые оказывают влияние на его трансформацию.

1. История «атлетической» лексики хорошо показывает смену культурных ориентиров общества в XVIII — XIX веках: интерес к Античности в эпоху классицизма смещается к этике и творчеству отдельного человека в эпоху романтизма, затем к развитию физических сил и спорту, к вопросам феминизма с последней четверти XIX века. Культурные сдвиги находили самое прямое отражение в развитии семантической структуры слова *атлет*, в динамике его словообразовательных возможностей, в модификации стилистической окраски.

2. Изучение истории гнезда подчеркивает тесные культурно-языковые связи русской культуры и европейской. Значительная часть значе-

ний слова *атлет*, а также целый ряд сочетаний были результатом прямого калькирования. Вместе с тем в истории гнезда проявлялось и действие внутренних механизмов русского языка.

3. История гнезда демонстрирует этапы формирования русской спортивной терминологии в конце XIX века, изучение которой еще ждет своего исследователя. Развитие «спортивных» значений у слова *атлет* привело к его стилистической нейтрализации, резкому расширению деривационных возможностей.

4. История слова *атлетка* и его синонимов в конце XIX — начале XX века служит важным источником для изучения истории феминизации русской культуры и языка, истории формирования гендерных стереотипов. Для феминитива *атлетка* и его синонимов был характерен ярко выраженный оценочный характер (в отличие от слова *атлет*), обусловивший его функционирование в контекстах, указывавших на исключительность (в различных отношениях) женщин-атлеток.

Список источников и литературы

Акуленко, В. В., 1972. *Вопросы интернационализации словарного состава языка*. А. В. Федоров, ред. Харьков. [Akulenko, V. V., 1972. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka* [Issues of internationalization of the vocabulary of the language]. A. V. Fedorov, ed. Kharkov (in Russ.)].

Аникин, А. Е., 2007. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1: а — аяюшка. М. [Anikin, A. E., 2007. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 1: а — ayayushka. Moscow (in Russ.)].

Апресян, Ю. Д., 1995. *Избранные труды*. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. [Apresyan, Yu. D., 1995. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vol. 2: Integral description of language and systemic lexicography. Moscow (in Russ.)].

Апресян, Ю. Д., 2006. Основные принципы и понятия системной лексикографии. *Языковая картина мира и системная лексикография*. М., с. 33–74. [Apresyan, Yu. D., 2006. Basic principles and concepts of systemic lexicography. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic worldview and systemic lexicography]. Moscow, pp. 33–74 (in Russ.)].

Булаховский, Л. А., 1954. *Русский литературный язык XIX столетия*. М. [Bulakhovsky, L. A., 1954. *Russkii literaturnyi yazyk XIX stoletiya* [Russian literary language of the 19th century] Moscow (in Russ.)].

Веселитский, В. В., 1972. *Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в.* М. [Veselitskiy, V. V., 1972. *Otolechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII — nachala XIX v.* [Abstract vocabulary in the Russian literary language of the XVIII — early XIX century]. Moscow (in Russ.)].

Виноградов, В. В., 1979. *История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*. М. [Vinogradov, V. V., 1979. *Istoriya slov. Okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [The history of words. About 1,500 words and expressions and more than 5,000 words related to them]. Moscow (in Russ.)].

Вяземский, П. А., 1878. *Полное собрание сочинений князя Петра Андреевича Вяземского*. Т. 1. СПб. [Vyazemsky, P. A., 1878. *Polnoe sobranie sochinenii knyazya Petra Andreevicha Vyazemskogo* [The complete works of Prince Peter Andreevich Vyazemsky]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.)].

Грот, Я.К., 1876. *Филологические разыскания: Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. Т. 2. СПб. [Grot, Ya.K., 1876. *Filologicheskie razyskaniya: Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Philological research: controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to the present]. Vol. 2. St. Petersburg (in Russ.)].

Михельсон, А.Д., 1865. *Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык*. М. [Mikhelson, A.D., 1865. *Ob'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk* [Explanation of 25,000 foreign words used in the Russian language]. Moscow (in Russ.)].

Мишати́на, Н.Л., 2018. Методическая лингвоконцептология и ее терминосистема. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 1 (188), с. 153–164. [Mishatina, N.L., 2018. Methodological linguoconceptology and its terminological system. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 1 (188), pp. 153–164 (in Russ.)] EDN: YQVMZN.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.09.2024) [NKRYa – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [NKRYa – National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> [Accessed 12.09.2024] (in Russ.)].

Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1861. СПб. [Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [A complete dictionary of foreign words included in the Russian language], 1861. St. Petersburg (in Russ.)].

Роллен, Ш., 1760. *Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках*. Сочиненная чрез г. Роллена бывшего ректора Парижского университета, профессора элоквиции и прочая. А ныне с французского переведенная чрез Василия Тредиаковского профессора элоквиции и члена Санктпетербургския Императорския Академии наук. Т. 5. СПб. [Rollin, Ch., 1760. *Drevnyaya istoriya ob egiptyanakh o karfagenyanakh ob assirianakh o vavilonyanakh o midyanakh, persakh o makedonnyanakh i o grekakh*. Sochinennaya chrez g. Rollena byvshago rektora Parizhskago universiteta, professora elokvetsii i prochaya. A nyne s frantsusskago perevedennaya chrez Vasil'ya Trediakovskago professora elokvetsii i chlena Sanktpeterburgskiya Imperatorskiya Akademii nauk [The ancient history of the Egyptians, the Carthaginians, the Assyrians, the Babylonians, the Medes, the Persians, the Macedonians and the Greeks. Composed by G. Rollin, the former rector of the University of Paris, Professor of eloquence, and others. And now translated from French by Vasily Trediakovsky, Professor of the Russian Academy of Sciences and a member of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences]. Vol. 5. St. Petersburg (in Russ.)].

Савчук, С.О., Архангельский, Т.А., Бонч-Осмоловская, А.А., Дони́на, О.В., Кузнецова, Ю.Н., Ляшевская, О.Н., Орехов, Б.В., Подрядчикова, М.В., 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2, с. 7–34. [Savchuk, S.O., Arkhangelskiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Donina, O.V., Kuznetsova, Y.N., Lyashevskaya, O.N., Orekhov, B.V. and Podryadchikova, M.V., 2024. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2, pp. 7–34 (in Russ.)] EDN: AATSXV, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>.

Соколова, М.Г., 2024. «Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова фреш в современном публицистическом дискурсе). *Русская речь*, 1, с. 49–59. [Sokolova, M.G., 2024. “Fresh or not Fresh?” (Linguistic portraying of the word фреш (fresh) in modern journalistic discourse). *Russkaia rech* [Russian speech], 1, pp. 49–59 (in Russ.)] EDN: JHZUPF, <https://doi.org/10.31857/S0131611724010042>.

Сорокин, Ю. С., 1965. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л. [Sorokin, Yu.S., 1965. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language. The 30–90s of the 19th century]. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века, 1984. Вып. 1: А – Безпристрастие. Л. [SRYa XVIII – *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century], 1984. Iss. 1: A – Bezpristrastie. Leningrad (in Russ.)].

СРЯ XIX – Словарь русского языка XIX в, 2024. СПб. URL: <https://xix.iling.spb.ru> (дата обращения: 12.09.2024) [SRYa XIX – *Slovar' russkogo yazyka XIX v.* [SRY XIX – Dictionary of the Russian language of the XIX century], 2024. St. Petersburg. Available at: <https://xix.iling.spb.ru> [Accessed 12.09.2024] (in Russ.)].

Тихонов, А. Н., 2014. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М. [Tikhonov, A.N., 2014. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vseh, kto khochet byt' gramotnym* [A new word formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow (in Russ.)].

Фасмер, М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М. [Fasmer, M., 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow (in Russ.)].

Фролова, О., 2010. Лингвистический портрет слова чиновник. *Studia Rossica Posnaniensia*, 35, с. 47–55. [Frolova, O., 2010. Linguistic portrait of the word 'chinovnik'. *Studia Rossica Posnaniensia*, 35, pp. 47–55 (in Russ.)].

Черникова, Н. В., 2017. Лингвокультурологические аспекты работы со словом (материалы к урокам словесности). *Русский язык в школе*, 4, с. 17–21. [Chernikova, N.V., 2017. Linguistic and cultural aspects of working with the word (materials for literature lessons). *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 4, pp. 17–21 (in Russ.)] EDN: YKQWWF.

Черных, П. Я., 1999. Историко-этимологический словарь. Т. 1: А – Пантомима. 3 изд. М. [Chernykh, P. Ya., 1999. *Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Historical and etymological dictionary]. Vol. 1: A – Pantomime. 3d ed. Moscow (in Russ.)].

Яновский, Н. М., 1803. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: в 3 ч. Ч. 1. СПб. [Yanovsky, N.M., 1803. *Novyi slovotolkovatel', raspolozhennyy po alfavitu, soderzhayushchii: raznye v rossiiskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskie terminy: v 3 ch.* [A new dictionary, arranged alphabetically, containing: various foreign phrases and technical terms found in the Russian language: in 3 vol.]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.)].

Christiani, W. A., 1906. *Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und des 18. Jahrhunderts*. Berlin.

Deleyre, A., 1756. *Analyse de la philosophie du chancelier François Bacon avec sa vie*. T. 1. Leyd.

Fairclough, N., 2001. *Language and power*. Harlow.

Naul, R. and Scheuler, C., 2020. Introduction. In: *Research on physical education and school sport in Europe*. Aachen, pp. 10–21.

Rollin, Ch., 1733. *Histoire ancienne des Egyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs*. Par M. Rollin, ancien Recteur de l'Université de Paris, Professeur d'Eloquence au Collège Royal, & Associé à l'Académie Royale des Inscriptions & Belles-Lettres. T. 5. Paris.

Trésor de la langue Française informatisé, n. d. Available at: <http://www.atilf.fr/tlfi> [Accessed 12.09.2024].

Van Dijk, T. A., 1993. Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 2, pp. 249–283.

Об авторах

Руднев Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3264-9483

E-mail: rudnevdm@mail.ru

Зеленин Александр Васильевич, доктор филологических наук (PhD), независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2656-8457

E-mail: f1alze@yandex.ru

Для цитирования:

Руднев Д. В., Зеленин А. В. «Атлеты веры, атлеты сцены...»: лингводискурсивный анализ деривационного гнезда в русском языке XVIII — начала XX века // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 134 — 153. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

"ATHLETES OF FAITH, ATHLETES OF THE STAGE...": LINGUISTIC AND DISCURSIVE ANALYSIS OF THE DERIVATIONAL FAMILY IN RUSSIAN FROM THE 18TH TO THE EARLY 20TH CENTURIES

Dmitry V. Rudnev^{1,2}, Alexander V. Zelenin³

¹ Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Per., St. Petersburg, 199053, Russia

² Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Moika River Emb., St. Petersburg, 191186, Russia

³ Independent Researcher

Submitted on 13.09.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-9

This article delves into the dynamics of the semantic field surrounding the word 'atlet' (athlete) and its derivatives in the Russian language from the 18th to the early 20th centuries. Drawing upon theoretical frameworks of linguistic portraiture and discourse analysis, this study provides a comprehensive characterization of the phenomenon under investigation. Textual analysis reveals a transformation in the meaning of this loanword: evolving from denoting an ancient Greek 'wrestler' in the mid-18th century (with Latin or French origins) to signifying individuals engaged in physical culture by the late 19th century. Furthermore, the article explores the shifting perceptions of male and female athletes ('gerkuleska', 'atletka' — 'female Hercules figure', 'female athlete' respectively), and the associated cultural stereotypes surrounding these figures. The research demonstrates that the semantics of the entire word

group stemming from the root – ‘atlet’ is intrinsically linked to historical and social processes, reflecting evolving societal values and orientations. The analysis investigates the reasons behind the semantic expansion of ‘atlet’, its development into a polysemous word used across diverse contexts, and elucidates the distinctions in cultural stereotypes associated with the masculine ‘atlet’ and its feminine counterpart ‘atletka’ in relation to perceptions and evaluations of physical strength. It also highlights the role of borrowings from French and English in enriching the Russian language with nuanced shades of meaning for ‘atlet’, and characterizes the connection of this entire group of cognate words to broader social and cultural changes in 19th-century Europe and Russia.

Keywords: borrowing, word portrait, discourse analysis, stereotype, femininity, gender, semantics, word formation

The authors

Dr. Dmitry V. Rudnev, Leading Research Fellow, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3264-9483

E-mail: rudnevd@mail.ru

Dr. Alexander V. Zelenin, Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-2656-8457

E-mail: f1alze@yandex.ru

To cite this article:

Rudnev, D.V., Zelenin A.V., 2025, “Athletes of Faith, Athletes of the Stage...”: linguistic and discursive analysis of the derivational family in Russian from the 18th to the early 20th centuries, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 134–153. doi: 10.5922/ 2225-5346-2025-3-9.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))